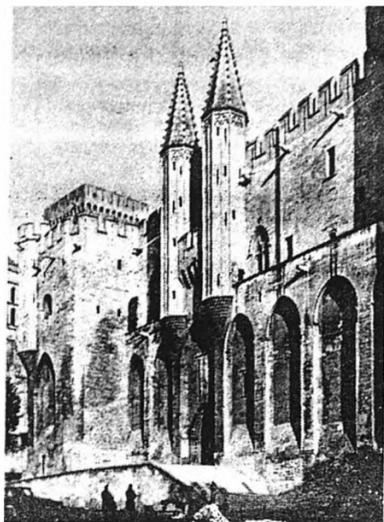

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Репортаж из города

ПЛОЩАДЬ Часов, площадь Меняя, улица Трех голубей, улица Золотых ножиц, квартал Весов. Где-то здесь проходила трудовая жизнь и революционная деятельность канатоходца Тибуба и оружейника Просперо. А на неровных булыжниках кривого спуска под скакивала карета с доктором Гаспаром Армери, оставляя на дороге куклу наследника-Тутти.

Я бродил по незнакомым улицам старого Авиньона, узнавая их по чудесной сказке Юрия Олеша.

Ныне Авиньон трясла очередная театральная лихорадка. Старый город, заполненный театром, сам превратился в огромный Театр на время Авиньонского международного театрального фестиваля, проходящего в 44-й раз.

Помимо официального фестиваля, в городе шел еще один. Здесь его называют «OFF». Огромное количество театральных коллективов, работающих в самых разных жанрах, собрались в Авиньоне и его окрестностях «себя показать», поэтому от гостиницы к центру города я добирался, как правило, с охапкой афиш и рекламных листовок: по дороге их всучивают многочисленные зазывалы.

В Авиньоне и пригородах не осталось ни одного пригодного общественного помещения или открытого пространства, где не шли бы спектакли. А на площади Часов, перед мэрией и муниципальным театром, несмотря на свирепую жару, проходил своего рода третий фестиваль. Неопрятный бородач глотал дымящиеся сигареты и пачки бритвенных лезвий, после чего, собрав жалкие подношения, бежал в бар.

Множество жонглеров — ловких, не очень и совсем даже неловких. Китаец с косичкой и подведенными глазами сцепляет и расцепляет блестящие кольца. Два небритых и давно нестиранных ирландца орут под гитару песню, положив перед собой шляпу.

Балдея от собственной музыки, стучит по тамбаму африканец. Этот-то как раз профессионал. Его барабан торопливо и выразительно рассказывает толпе о жарком континенте, о красоте Сахары, о черной грудастости хохотухах.

Другой кочующий музыкант для лучшей убедительности приколол к своей электропианоле бумажку: «Я — автор, композитор и исполнитель». Пока закусывал перед спектаклем, к столику подошла розовощекая девчонка в золотистой кофте с флейтой в руках и протрубила мне в лицо несколько звуков, после чего протянула, как картуз, чехол от инструмента. Пришлось делиться жалкими командировочными.

На все это странное зрелище из своего каменного кресла на лестнице муниципального театра невозмутимо взирал господин Мольер с изъеденным оспой времени лицом.

БОЛЬШЕ НЕ «ПОЗНАЕШЬ «БУРЮ»

Увы, недолговечна жизнь спектаклей у западных театральных коллективов. В течение года, как правило, играется единственная вещь, и исполнители успевают от нее «озвереть», как сказал мне один парижский актер.

Знаменитая «Буря» знаменитого Питера Брука по гениальной пьесе Шекспира распродана со зрителем. Беспорочному украшению нынешнего Авиньонского фестиваля по популярности не было равных. Его играли в 30 километрах от

Авиньона, но в центре города у туристского офиса с утра стояли люди с плакатами: «Куплю билет на «Бурю»».

Если прошлогодний фестиваль запомнился французам триумфом «Продолек Скапена» с Даниэлем Отём в главной роли, то на нынешнем, конечно, шумела и блистала «Буря». Даже беспрецедентное семичасовое (как раз на всю ночь) представление «Варварских комедий» испанца Валле-Инклана, вызвавшее много разговоров, не смогло поколебать интереса к «Буре».

Спектакль на французском языке играла интернациональная команда: каких только акцентов здесь не было! Питер Брук как бы подчеркивал этим всемирность Шекспира. Явно удавшийся эксперимент режиссера — ведущий дуэт спектакля: герцог Просперо и дух Ариэль — в исполнении африканцев Сотиги Куайте и Бакари Сангаре.

Не знаю, чем руководствовался Брук в этом выборе (Сангаре мне сказал об этом ужасно банально: «Мы встретились с Питером, и я ему понравился»). Мне же подобное решение представляется многозначительным. Куайте у народа малинке в Западной Африке — родовая фамилия гриотов. Гриот — это кладь передаваемая из поколения в поколение устной традиции. Он — сказитель, певец, музыкант, исполнитель бесконечных произведений западноафриканского эпоса. Это человек-театр и по совместительству — оракул. Гриот — хранитель мудрости континента, породившего человечество.

К той же группе народов манде принадлежит и бамбара Сангаре. Мальчики малинке и бамбара, кроме приобщения к исламу, получают воспитание, дающее им представления о мире как о пространстве, населенном, помимо сложного пантеона богов, огромным количеством духов разного ранга. Есть духи предков, духи рек, духи лесов. Следовательно, актерам не нужно было напрягаться, чтобы представить себе остров, населенный духами. Они с раннего детства естественным образом живут в таком мире, искренне веря в таинственные чары, в магические возможности людей и предметов, и призывают неуверенных быть осторожными и не судить о мире поверхностно. Вчитываясь в пьесу Шекспира: он предостерегал о том же. И Питер Брук, если судить по его многочисленным интервью, особенно ценит у Шекспира эту распыленность границы между реальным и воображаемым.

Остроумны постановочные находки режиссера. А если к ним добавить звонкую ночь под южным небом вместо зала и окруженный старинной стеной прямоугольник песка вместо сцены, то и вправду поверишь: где-то над тобой парят духи.

И, конечно, нельзя не отметить страстную, ураганную игру актера Давида Беннана в роли Калибана. Невысокий светлоглазый человек подавлял зрителя своей фантастической энергией. И заставлял подозревать, что все происходящее «в зале» — и впрямь по ту сторону реального.

САГИ ФОРСАЙТА

Журналисты назвали его «второй после Божара». Не считаю себя достаточно компетентным в области балета, предположу: если балет Божара можно сравнить с жизнерадостным роком времен Элвиса Пресли, то балет Форсайта — это уже «hard», предназначенный для более узкой группы ценителей.

Уильям Форсайт — сорокадвухлетний американец, проживающий в Германии. Танцевал в известных балетах мира, включая нью-йоркский и парижский. С 1983 года руководит балетом Франкфурта, для которого сделал полтора десятка постановок. Слышет провокатором скандалов. Очаровывая изящной постановкой в классическом стиле, может обуршесть на консервативных ценителей балета мягкую синтетическую форму,

где разрушается привычная гармония танца.

В трех спектаклях-сказаниях, сыгранных на торжественном дворе Папского дворца, Форсайт как раз и продемонстрировал гамму своих творческих возможностей. Для фестиваля он избрал уже известные постановки. Своим спектаклям же дает названия, дословный перевод которых ничего не объясняет, поэтому вся европейская пресса повторяет оригинальные названия Форсайта. Я вынужден следовать тем же правилам.

Первой частью балетного вечера Форсайта была знаменитая постановка, осуществленная в 1987 году для Опера де Пари «In the Middle». В высшей степени классический танец в абсолютно современной интерпретации исполняется под музыку Тома Уиллеса, в которой звучат почти одни ударные. Удивительная пластика танцоров: своеобразная, похожая на шахматы, геометрия танца. С одной стороны, изменения на сцене ассиметричны, с другой — подчинены каким-то сложным математическим законам. Как и во многих вещах Божара, у Форсайта нет солистов, звезд. У всех танцоров — главная партия.

В постановке «Die Befragung des Robert Scoff» Форсайт словно бы излагает свою философию балета, по которой он не делит танцоров на «маленьких, больших, худых и толстых». В спектакле занята практически вся труппа, и многие танцовщики действительно не соответствуют общепринятым стандартам. Ту коротконогую девочку, возможно, не взяли бы в нашу балетную школу, эта напоминает толкательницу ядра, Но ни одна, ни другая «песню не поют».

Возмутитель спокойствия Форсайт, верный своей философии, провоцирует зал. В спектакле есть эпизод, когда танцовщица, оказавшаяся в середине сцены, вдруг издает неожиданный пронзительный крик, сопровождаемый взмахом рук. Затем раздаётся второй. Следует кажущаяся бесконечной серия этих неприятных звуков под взмахи рук. Зрители сначала пытаются увидеть в действии «глубокий смысл», затем устают от крика и начинают посмеиваться, недовольно ворчать или раздражаться. Но крик так же неожиданно обрывается, и зал, шумящий по инерции, вдруг понимает, что втянул в спектакль и тоже стал участником этой мистерии.

«Etemu in the Figure» — одна из наиболее свежих вещей Форсайта, показанная впервые в конце 1989 года в Париже. В фестивальном балет-шоу балетмейстер как бы демонстрирует этим спектаклем позднюю стадию своей творческой эволюции. В «Etemu in the Figure» общепринятым канонам нанесен «ущерб». На сцене применяются специальные эффекты, идет почти акробатическая игра с веревочным канатом, танцовщики катают по сцене мощный осветительный прибор, довольно ловко оперируя световым лучом, — и при этом — сумасшедший танцевальный ритм. Знайки говорили мне о том, что Форсайт в варианте балета, сделанном для Авиньона, решился показать далеко не все, что входит в оригинальную версию. Но и увиденного хватило, чтобы озадачить и покорило публику.

«САЛАМ АЛЕЙКУМ!» ИЗ КАРШИ

Перегнувшись через перила моста над Роной, они разглядывали проплывавших в ней больших рыб.

— Ребята, здравствуйте! Вы не из Узбекистана?

Несколько удивленно вся команда повернулась ко мне. Знаменитое восточное радушие и гостеприимство не заставило себя ждать. Актеры наперебой стали объяснять, как найти средневековый монастырь в авиньонском пригороде Вильнев, где они играли пьесу Хамзы «Однажды ночью я пошел к моей красоте». Искусство исламской страны нашло временный приют в бывшем католическом монастыре.

Я успел начитаться положительной прессы о спектакле и о режиссере из передвижного театра «Мулокот» из города Карши в Кашкардарьинской области Абдурахмоне Абдуназарове. Он подавался словоохотливой французской печатью как отрицатель догм и потрясатель основ, порожденный нашим смутным перестроечным временем. И я тоскливо ждал встречи с неким горячим джигитом, который для начала станет мне рассказывать о преимуществах какой-нибудь новой социал-демократической исламской партии.

К счастью, в отличие от многих нынешних деятелей культуры Абдурахмон занимается исключительно своей профессией. Он оказался спокойным, улычивым, вежливым человеком с хорошим чувством юмора.

Получив театральное образование в Ташкенте, Абдуназаров работал в театрах Оша, Андижана и Карши, стажировался в Москве «На Малой Бронной». Осознав, что в условиях обычного республиканского театра, заложника бюрократической системы, это-либо интересное сделать очень трудно, Абдурахмон, наследуя народную театральную традицию, создает в 1988 году свой фарс с мужчинами в женских ролях. Это, конечно, не «Буря», но все же приятный ветерок. Действию на сцене предшествует веселая изобретательная игра-праздник на улице, «подогревающая» публику. К сожалению, в зале этот зажигательный ритм спотыкается. По ходу спектакля есть несколько неловких пауз, и хотя зрители в основном положительно реагировали на происходящее на сцене, ребята, кажется, грубовато переигрывали даже для фарса. Я удивлялся, почему критики не хотят замечать этого. Однако «кружки выстрелили». Сначала появилась отдельная робкая критика, а затем известный театральный обозреватель «Монд» Мишель Курно безжалостно высек труппу и спектакль. И — я отвечаю за свои слова — был не прав. Я бы согласился на планку такой высоты, если бы все, представленное на фестивале, приближалось бы к уровню Брука или Форсайта.

Но наряду с явными удачами я видел в Авиньоне спектакли, загроможденные огромным количеством сложной сценической техники, сопровождаемые в отличие от нехитрой занавески на двух кольях ребята из Карши замысловатыми спецэффектами (вроде проливного дождя на сцене и тумана в зале), сложными фонограммами, цирковыми трюками, но публика, несмотря на довольно дорогие билеты, разбегалась через полчаса в глубокой скуке. Были плохие постановки и убогие тексты. В частности, довольно известный авиньонский «Театр де Карм», тоже участник официального программы, показал спектакль, английское название которого можно было бы перевести примерно как «Наркосвязь». Пьеса, постановка, декорации — все в исполнении руководителя и актера театра Андре Бенедетто. И тема святая — борьба с наркотиками и наркобизнесом, и актеры стараются. И все же не можешь отделиться от ощущения агитки а ля «синяя блуза», где добру не остается ничего другого, как победить зло. Труппа «Мулокота» по крайней мере не пыталась прикидываться «большим театром».

Так что салам алейкум, ребята. Будем учиться и на своих ошибках, и на чужих.

ФЕСТИВАЛЬ УМЕР! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ФЕСТИВАЛЬ!

В целом же, считают некоторые мои коллеги — ветераны фестивальной темы, — Авиньон-91 удался, хотя его посещаемость немного ниже предыдущего сезона, что организаторы объясняют экономическим кризисом, пригасившим интерес к зрелищам.

В большом интервью «Монд» директор фестиваля Алэн Кромбек подвел

Театр

некоторые итоги. Аншлаги были у «Буря», «Конной оперы» в постановке Бартабаса (кстати, с полифоническим грузинским пением); у двух спектаклей в постановке Изабель Пуссёр: «Сновидение» Стриндберга и «Если бы лето вернулось» Артюра Адамова. Больше никто не получил оценку «отлично» от зрителей.

Но 95 процентов посещаемости «вытянул» Форсайт. По 80 процентов у «Варварских комедий» в постановке Жоржа Лавелли из цикла «Случай Мюллера», поставленного Жаном Журдьемом и Жаном-Франсуа Пейре по произведению Хайнера Мюллера. Хотя фестивали никогда не бывают идеальными, отметил Кромбек, и некоторые постановки едва набрали 30 процентов зрителей.

Вопреки опасениям организаторов довольно хорошо прошли выступления иранских артистов, привезших в Авиньон огромную программу традиционного театрального искусства, пронизанного шитской религиозной тематикой. Это вообще были первые крупные зарубежные гастроли иранцев.

Фестиваль прошел также под знаком памяти его основателя Жака Вилара, двадцатилетие смерти которого Авиньон отметил выставками, творческими дискуссиями, видеопрограммами.

Несколько дней командировки в Авиньон не позволили познакомиться с неофициальной частью — «OFF». Жаль. На афишах я читал названия спектаклей по Чехову и Кафке, по Беккету, Сартру и даже по Венедикту Ерофьеву. Правда, знакомые снобы утверждали: урсвень этой постановки сентиментален. Но как знать...

Грядет 45-й фестиваль. Его подготовка — это прежде всего решение финансовых вопросов. Даже, пойдя на некоторую экономию, придется раздобывать 24 миллиона франков. Министерство культуры обещает 8 миллионов, 2,5 миллиона даст муниципалитет Парижа. В остальном — расчет на спонсоров-меценатов.

Среди финансистов фестиваля я не случайно не упомянул славный театральный город Авиньон. На сегодняшний день он сам задолжник-рекордсмен в дефиците бюджета — 20.365 франков долга в расчете на каждого жителя. Пока мэрия ищет решения, как привести в порядок дела города, а заодно и исторические памятники. Среди прочих идей отыскалась и горькая: Папский дворец собираются продать многонациональной компании, желающей превратить его в коммерческое предприятие. Но кто хоть немного знаком с историей страны, знает, чем был для Франции XVI века и Святого престола Папский дворец!

С ним связана и история Авиньонского театрального фестиваля. И потому на площади перед дворцом ежевечерне устраивался пикет для сбора подписей против приватизации реликвины. Заступники, среди которых особенно рьяно выступал местная секция компартии, считают, что правительство затевает разорительные престижные проекты. Оно вполне могло бы найти необходимые 70 миллионов франков на реставрацию и поддержание состояния Папского дворца, чтобы сохранить его за французским государством. Однако, думаю, что скорее всего эти протесты никто всерьез не примет. У правительства, как правило, на все есть свои собственные соображения.

Трудно сейчас сказать, что станет с дворцом. Одно явно: музей рентабельным быть не может или это уже не музей.

А пока есть надежда, что 45-й Авиньонский театральный фестиваль, возможно, еще успеет пройти в его стенах.

Виктор ОНУЧКО.
(Соб. корр. ИАН — специально для «Экрана и сцены»)
АВИНЬОН.